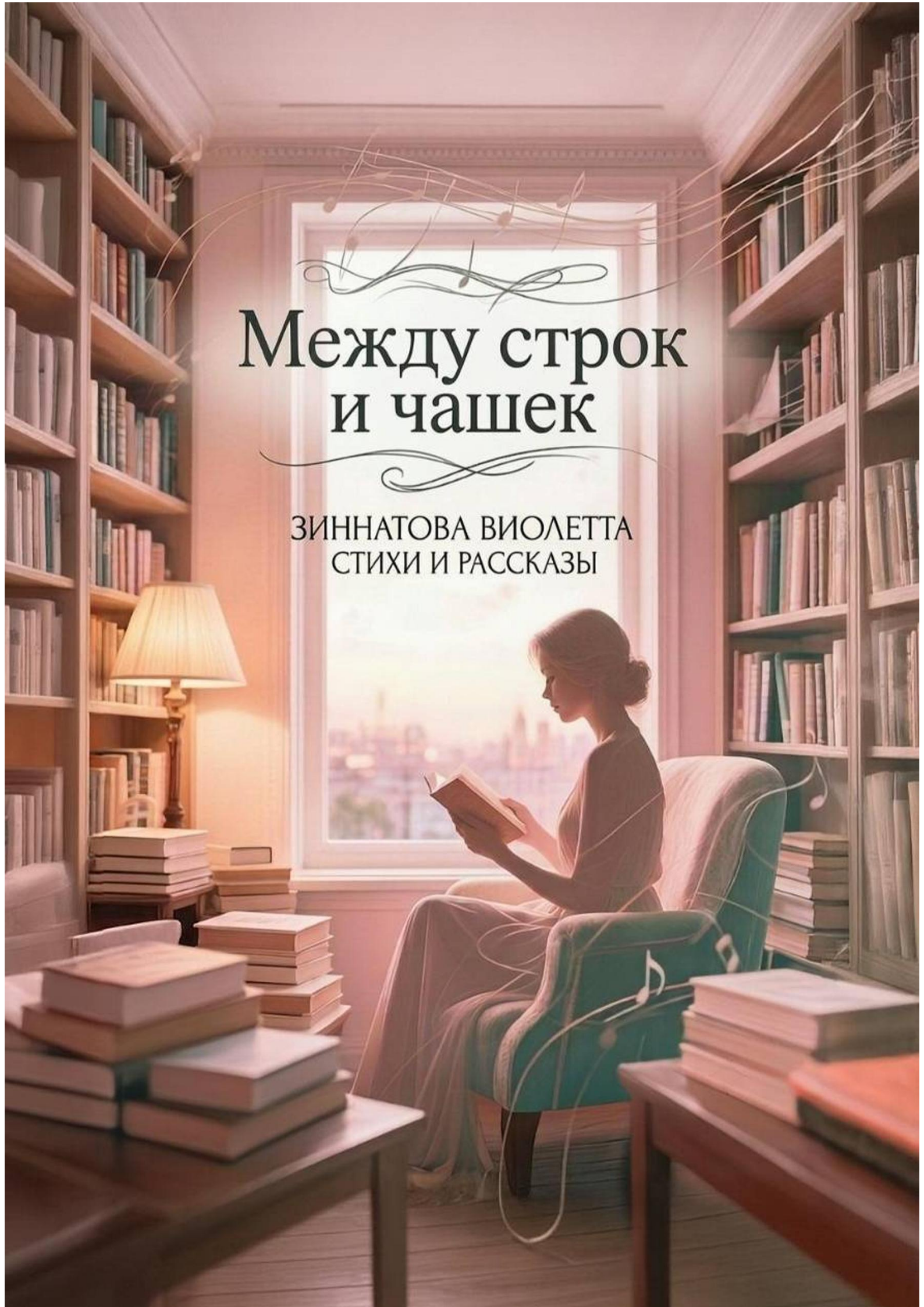

The background image is a warm, artistic illustration of a woman with blonde hair in a bun, sitting in a green armchair and reading a book. She is positioned in front of a large window that looks out onto a city skyline at sunset. The room is filled with tall wooden bookshelves packed with books. In the foreground, there are several stacks of books on a low wooden table. To the left, a lamp with a cream-colored shade sits on a small table. Delicate, flowing musical notes and lines are scattered throughout the scene, particularly around the window and the woman, creating a dreamy, literary atmosphere.

Между строк и чашек

ЗИННАТОВА ВИОЛЕТТА
СТИХИ И РАССКАЗЫ

Виолетта Зиннатова

Между строк и чашек

«Автор»

2026

Зиннатова В.

Между строк и чашек / В. Зиннатова — «Автор», 2026

Книга «Между строк и чашек» — это уютный сборник, в котором переплелись поэзия и проза, личные переживания и вымышленные миры. В первой части вас ждут стихи о любви, которая не требует громких обещаний, о весне, входящей в дом через приоткрытую форточку, о детстве, пахнущем бабушкиным пирогом, и о том, как важно иногда разрешить себе быть счастливым без условий. Во второй части — рассказы: о девушке, которая впервые попробовала чёрный кофе и обнаружила вкус жизни, о любви, ждавшей восемь лет, о кофейне, где реальность смещается, о таинственном острове, на котором можно потеряться, чтобы найти себя, и о том, как один звонок в четыре утра способен изменить всё. Это книга для тех, кто ищет в строках не просто слова, а отражение собственных чувств. Здесь нет наставлений — только живые истории, которые согревают, как чашка кофе в прохладное утро.

© Зиннатова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Между строк и чашек	6
Оглавление	7
От автора	9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	10
Вечностью	10
Не эхо, а ответ	10
Научи меня	11
Краски судьбы	12
Баллада о краях	13
Весна, кофе и книги	15
«После звонка»	17
Дружба	19
Тихий свет	20
Перед сменой	21
Нет Ничего Невозможного	22
Бабушкин дом	23
Клубника на обратной дороге	26
Календарь души	28
Мои четыре берега	29
Настоящее — ПЛОТНИК ГРЯДУЩЕГО	31
Уют и дом	33
Перемены	34
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	36
Первый глоток весны	36
Эпилог. Пять лет спустя	39
Все это время	39
Глава 1. Вера	40
Часть первая. Школа	40
Часть вторая. Встреча	41
Часть третья. Откровение	42
Глава 2. Глеб	44
Часть первая. Школа	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Виолетта Зиннатова

Между строк и чашек

Виолетта Зиннатова

Между строк и чашек

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Иллюстратор Виолетта Ильдаровна Зиннатова

© Виолетта Зиннатова, 2026

© Виолетта Ильдаровна Зиннатова, иллюстрации, 2026

Эта книга — как разговор, в котором не нужно подбирать слова. Она родилась в тишине утра, между глотками кофе и строчками, которые сами ложились на бумагу. Здесь нет правил и наставлений — только живые мгновения, в которых каждый может узнать себя. Возможно, именно здесь вы найдёте те самые строки, которые ждали вас. (PS: Рассказ «Всё это время» опубликован как отдельная книга.)

18+

Оглавление

Между строк и чашек	
От автора	
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ СТИХИ	
Вечностью	
Не эхо, а ответ	
Научи меня	
Краски судьбы	
Баллада о краях	
Весна, кофе и книги	
«После звонка»	
Дружба	
Тихий свет	
Перед сменой	
Нет Ничего Невозможного	
Бабушкин дом	
Клубника на обратной дороге	
Календарь души	
Мои четыре берега	
Настоящее — ПЛОТНИК ГРЯДУЩЕГО	
Уют и дом	
Перемены	
ЧАСТЬ ВТОРАЯ РАССКАЗЫ	
Первый глоток весны	
Эпилог. Пять лет спустя	
Все это время	
Глава 1. Вера	
Часть первая. Школа	
Часть вторая. Встреча	
Часть третья. Откровение	
Глава 2. Глеб	
Часть первая. Школа	
Часть вторая. Встреча	
Часть третья. Откровение	
Глава 3. Оба	
Остров недельной длины	
Вступление	
Глава первая. Три предмета	
Глава вторая. Три совета, два из которых — чушь	
Глава третья. Колодец забвения	
Глава четвёртая. Лес перевёрнутых вещей	
Глава пятая. Мост через реку Забудь-трава	
Глава шестая. Гнездо Буяна	
Глава седьмая. Обратная дорога и вторая нога	
Эпилог	
Уголок	

Мост

1

2

3

4

Вишневая искра

Красная нить

Глава 1. Отражение, которое моргнуло

Глава 2. Пять вещей, которые не тем кажутся

Глава 3. Камень, помнящий кровь

Глава 4. Трещина в камне

Глава 5. Тот, кто остаётся

Глава 6. Тот, кто сломал тишину

Глава 7. Тот, кто улыбается слишком ярко

Глава 8. Тот, кто помнит всё

Глава 9. Озеро, где небо встречается с водой

Глава 10. Тот, кто увидел себя

Финал

Послесловие

Зеленый зонт

Бесконечное лето

Жаркий полдень

БЛАГОДАРНОСТИ

От автора

Эту книгу я собирала по крупицам — как рассыпанные по комнате фотографии, которые складываются в один большой альбом. Здесь есть стихи, которые рождались в тишине засыпающего города, и рассказы, которые просились на бумагу среди утренней суеты кофейной стойки. Здесь есть сказка, которую я сочинял для себя, когда хотелось верить, что любой порог можно переступить. И есть исповедь, которую я писал, когда хотелось понять, почему любовь иногда выбирает не того.

Все эти тексты — о разном. О весне, которая пахнет кофе и новой жизнью. О детстве, которое остаётся в запахе бабушкиного пирога. О дружбе, которая не требует громких слов. О людях, которые уходят и возвращаются. О тех, кто ждёт нас за порогом, даже когда мы забываем о них.

Но если присмотреться — все они об одном. О том, как мы учимся быть собой. Как перестаём бояться собственных воспоминаний. Как, раз за разом, делаем шаг в неизведанное — и находим там не пустоту, а свет.

Эта книга — не учебник. Не сборник правил. Она — приглашение. Зайти, сесть в кресло у окна, взять чашку чего-то тёплого и, может быть, узнать себя в этих строках.

Потому что, если честно, все мы — герои своих историй. И каждая история заслуживает того, чтобы её рассказали.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТИХИ

Здесь всё начинается с утра. С первого глотка, с первой строчки, с того самого момента, когда ты решаешь: «А давай сегодня — иначе». В этой части — стихи о простом счастье, о тишине за окном, о любви, которая не требует подвигов. О том, как весна входит в дом через приоткрытую форточку, и ты позволяешь ей остаться.

Вечностью

Это стихотворение родилось в апреле, когда за окном уже не было снега, но ещё не было тепла. Только тот самый воздух — прозрачный, хрупкий, пропитанный ожиданием. Мне хотелось написать о любви, которая не требует обещаний. Которая просто есть — как утренний свет, как дыхание. Без «навсегда». Без «до гроба». Просто — «останься».

О, останься рядом вечностью, опорой и беспечностью,
Когда мир за стеною твердеет, как камень и лёд.
Пусть между нами лишь песней струится та нежность,
Без вопросов тяжёлых, без разговоров на срок вперёд.

Чтоб любовь была не долгом, а лёгкой возможностью
Затаить в ладонях миг, не считая его длину.

Чтоб в потоках дней, в их вечной озабоченности,
Нам найти тот островок, где время — как утренняя роса на окне.

Чтоб глаза твои, как небо, смотрели бездонно и преданно,
А прикосновение руки говорило: «Я здесь. Не уйду».

О, останься — не подвигом, не судьбою обязанной,
А как свет от лампы в окне, как тишина, что лечит в бреду.

И пускай за окном кружатся метели или солнце палит до тлена,
Мы с тобой — словно в детском шатре из стульев и двух простынь.
Ты — моя тихая крепость и ветер, что меняет направление,
Где тревоги тонут, а утро можно пить, зачерпнув пригоршней, как будто оно — родник.

Не эхо, а ответ

Это посвящение учителям. Тем, кто однажды поверил в тебя так сильно, что ты сам начал верить. Я написала эти строки, когда вышла вторая книга, и вдруг поняла: всё, что я делаю — это отражение того света, который мне когда-то подарили. Каждая строчка — как «спасибо», произнесённое через годы.

От строк ваших — к первой своей строке,
От вашего слова — ко мне.
И вот эта книга, написанной рукой —
Лишь эхо ваших же слов и подсказок вслух.

А может, не эхо — наоборот, ответ,
Что время взрастило из ваших побед.

И в каждой главе, в каждом новом сюжете —
Ученичья призма учительского света

И пусть эта книга не стала открытием,
В ней нет громких истин, признанных всеми.
Но в ней — благодарность и тихое биенье
Того сердца, что вы научили гореть ей.

Научи меня

Разговор с собой. О том, как трудно разрешить себе быть счастливым без условий. Без «заслужил». Без «доказал». Мне казалось, что любовь — это всегда подвиг, всегда преодоление. А потом я поняла: любовь — это когда ты просто разрешаешь себе дышать. И не боишься, что у тебя отнимут этот воздух.

Научи меня лёгкости простого бытия,
Когда не нужно горы за горой носить.
Дай мне тихую науку забывать слова «нельзя» —
На глазах у препятствий, беспрепятственно любить.

Не как подвиг, не как вызов брошенный судьбе,
А как ветер, что не спорит — просто где-то впереди.

Как трава, что прорастает меж камней, не ломая их,
Только цветом заполняя все закоулки и изгибы бытия.

Пусть мир кричит, строится из стен и из преград,

Пусть говорят, что счастью нужно что-то заслужить.

А мы с тобой — как воздух меж колоннами колоннад,
Как простое чудо, которому не нужно победить.

Чтобы в каждом взгляде — небо, в каждом вздохе — ширь,
Чтобы нежность не грузила, а легко могла парить.

Чтобы на глазах у всех преград, что созданы людьми,
Мы могли лететь, не замечая даже, что они — земля.

И если спросят — «Как?» — я улыбнусь в ответ:
Любовь не пробивает стены. Она их просто видит насквозь.
И там, где другим мерещится тупик и чей-то запрет,
Для неё — лишь новые пути, которым только стоит развернуться в рост.

Краски судьбы

Зарисовка. Один вечер, одно окно, одна мысль. Иногда самые важные вещи приходят не в громких монологах, а в тишине, когда ты просто сидишь и смотришь, как тает свет. И вдруг понимаешь: судьба рисует линии, но цвета выбираешь ты.

В тишине рождаются слова,
А в сердце тают звёзды не спеша.
И кружится над пропастью листва,
Пока с тобой молчит наша душа.

Сквозь синий вечер льется тишина,
Прозрачный месяц смотрится в стекло.

Такая небывалая длина
У света, что растаял так тепло.

Лови момент, пока он не угас,
Вдохни поглубже этот дивный миг.

Судьба рисует линии для нас,
Но краски выбираем мы сами.

Ты просто будь. Над крышей облака.
И в этом мире, полном суеты,
Одна лишь нежность, словно две руки,
Нас держит в мире выше потолка.

Баллада о краях

Самая личная вещь в сборнике. Стих о том, как иногда то, что мы считаем падением, оказывается спасением. Как тот, кого называют «тёмным», может протянуть руку в самой глубокой тьме. Здесь нет чётких ответов — есть только путь.

Ангел уронил мою душу и сказал:
«Летать учись, падать сама будешь».
А внизу — ни небес, ни зеркал,
Только холод, что ребра студит.
Демон подобрал её — и ни слова зла.
Лишь осколки собрал бережно в горсти:
«Пойдём, научу падать так, чтобы взлетала.
Пойдём, тут темно. Но темно не до смерти».
И летели вдвоём: он — вниз, я — на дно,
Где небесный закон — лишь пустая форма.
Ангел плачет сейчас: «Мне не всё равно!»
Но его доброта была слишком тёплой для шторма.
Демон хрипло смеётся, держа за крыло,
Что когда-то мне ангел сломал, роняя.
«Твоё сердце, — говорит, — не добро и не зло.
Оно просто живое. А это большая, редкая».

Весна, кофе и книги

Стих-состояние. Когда я его писала, за окном был апрель, на столе дымилась кружка, и я впервые за долгое время никуда не спешила. Кажется, это и есть счастье — просто быть. В доме, где пахнет кофе, где на подоконнике цветёт фиалка, а рядом есть тот, с кем можно разделить тишину.

За окнами апрель играет в кошки-мышки
С последними остатками зимы.
Я открываю книгу на закладке,
Где мы вчера с тобой остановились.

На кухне кофе в турке закипает,
И пар танцует в утреннем луче.

Весна стучится в форточку ветвями,
И что-то шепчет, прячась за плечом.

Я насыпаю сахар, помешаю,
Сажусь в кресло, укрываюсь пледом.

И мир за окнами такой большой, но знаю —
Он весь помещается между этими стенами, где светом

Пахнут страницы, ещё не читанные мною.
Где кофе горький, но с молоком — как раз.

Где за окном шумит весна хмельная,
А я здесь — дом, покой, уют и вязь.

Строк неспешных, тёплых, как ладони
Того, кто рядом может просто быть.

И не надо ни Парижа, ни Болоньи,
Когда есть с кем весну и кофе пить.

А за окном уже проталины и лужи,
И воробьи устроили базар.

И кто-то книгу новую предложит,
И кто-то скажет: «Это не товар,

А подарок судьбы». И я согласна.
Весна, кофе, книги — это три

Столпа, на которых держится прекрасно
Мой маленький, но тёплый мир. Смотри:

Вон на подоконнике фиалка
Расцвела — забыли полить, а ей всё равно.

И закладка выпала из сборника стихов опавшей,
А на улице звенит уже не только дно синевы.

Небесной синевы, но и капли,
И какой-то мальчишка бежит с букетом мимоз.

Я листаю главу, где герои еще не успели
Понять, что любить — это не вопрос.

А просто — варить кофе по утрам,
Читать друг другу вслух смешные строчки,

Весной не прятаться по городам,
А вместе слушать, как набухают почки.

И книга не дописана. И вечер
Опустится на крыши не спеша.

Я добавлю в чашку корицы — легче,
А весна в открытое окно дыша.

И так хорошо — никуда не надо.
Никуда не хочется. Всё — здесь.

Кофе, книги, весна, и рядом
Тот, для кого я точно есть.

Мы дочитаем эту книгу завтра.
А сегодня — просто будем пить кофе.

И за окнами весенняя вата
Облаков плывёт в небесной карете.

И я закрываю книгу, но знаю:
Завтра новая глава, и новый день.
Весна, кофе и книги. Такая простая,
Но такая правильная, живая
В моём доме поселилась тень —

Нет, не тень. А свет. От лампы и от солнца,
От строчек и от зерен молотых.
И сердце моё спокойно бьётся
В ритме весны, кофе и книг простых.

«После звонка»

Благодарность всем учителям. Тем, кто остался в памяти. Кто открыл нам мир не только учебниками, но и тем, как они сами смотрели на этот мир. Спустя шесть лет после выпускного я поняла: хороший учитель остаётся с тобой навсегда. Даже если вы больше никогда не увидите.

Она входила первой — в тихий класс, где пахло мелом и тоской,
С указкой, с тетрадями, с улыбкой, что осталась навсегда.
«Язык, — сказала, — вы несите небесами, не грязните суетой,
Не марайте его пустотой, не гасите его, как звезду в пруду».
Спасибо ей — за русский, за Тургенева, за Блока, за каждый стих,
За каждую запятую, за свет, что горел в конце любой строки.
Её уроки — как дорога в детство, где мы были тихи и просты,
Где мы, как дети, были к ней близки, где мы дышали, как в раю.
Учительница математики — с мелком, с мечтою о нуле,
Входила в класс и говорила: «Икс — не страшно, это просто шаг».
Мы программировали первые шаги на невидимой земле,
Её улыбка — ярче всех огней, её слова — как нужный знак.
Учительница химии — в халате белом, с пробиркой и огнём,
Шептала тихо: «Реакция — это шум, без неё нам не понять».
Мы смотрели, как цвет меняет раствор, как газ выходит в потолок,
Её урок — как костёр в ночи, что светит, чтобы нам не пропасть.
Учительница биологии — с гербарием, с микроскопом, с душой,
Нам говорила: «Вы — жизнь, не просто плоть, вы — свет под каждым лучом».
Мы видели, как дрожит клетка, как кровь течёт, как дышит лист,
Её наука — как редкий свет, который мы в сердце несём.
Учительница истории — мудрая, строгая, с прошлым в руке,
«Прошное — это компас, — говорила, — не стройте к ошибкам дорог».
Общество — мост, не ров, по нему мы идём к людям в тоске,
Её уроки — как тихий зов, который запомнил и Бог.
Учительница татарского — с тёплым словом, с буквами-ветками, с родной тоской,
«Язык предков жив, пока вы его слышите в шуме и в снах».
Мы учили склоненья, падежи, и она вела нас рукой,
Чтоб мы не забыли, откуда мы, даже в далёких краях.
Учительница географии — с картой, с глобусом, с вечным вопросом «где?»,
«Земля — ваш дом, — говорила, — знайте её, не теряйте себя».
Мы помним, где Волга, где Байкал, где Памир, где Альпы в огне,
Её урок — как вокзал, откуда уехали мы, но вернёмся, любя.
Учительница английского — с акцентом, как море, как шум прибоя,
«Hello! — встречала. — Мир не замкнут стенами, двери — в словах».
Мы учили топики, краснели, но говорили «I love you» собою,
Её улыбка — как утренний свет, что не гаснет в чужих голосах.
Учитель физики — в очках, с проводами, с законами, с током в руках,
«Мир не загадка, — говорил, — он ждёт, чтоб его поняли».
Мы ставили опыты, смотрели на свет в рождённых лампах,
Его уроки — как путь к истине, где мы не ошиблись ни разу.
Учитель физкультуры — со свистком, с секундомером, в спортивном костюме,
«Тело — ваш храм, — кричал, — двигайтесь, даже когда не хочется».
Мы бегали, падали, вставали и улыбались, как в шуме,
И он улыбался нам, потому что знал — мы не бросимся прочь.

И вот мы дошли. Школьные годы — как поезд, что ушёл в темноту,
Все разлетелись, кто в небо, кто в землю, кто в дальние города.
Но мы верим — мы встретимся, встретимся, верим сквозь эту пустоту,
Потому что мы помним, мы дышим, мы ждём — и это не просто слова.
До скорой встречи, учителя родные,
До скорой встречи, одноклассники мои.
Мы разошлись, но живы, и сквозь ветры и дымы
Мы верим — встретимся у школьной той стены.

Дружба

О самой простой и самой сложной вещи на свете. О том, что настоящая дружба не требует громких слов. О том, что можно не видеться годами, но знать: если понадобится — он придёт. Посвящается тем, кто был рядом в самые трудные моменты.

Мы с тобой не ищем лишних слов,
Понимаем всё без объяснений.
Настоящий друг всегда готов
Разделить и грусть, и вдохновенье.

Сколько вёрст легло между людьми,
Сколько зим сменялось тёплым летом —

Ты меня в беде не подведи,
Я к тебе приду с любым советом.

Пусть порою трудно нам идти,
Пусть судьба бросает вызов снова —

Дружба крепнет только на пути,
Где на двоих и хлеб, и слово.

Верность не измерить по часам,
Не купить за злато и монеты.

Просто знай: когда увижу сама,
Что ты рядом, — нет важней приметы.

Мы не держим камень за спиной,
Не считаем, кто кому что должен.

Если ты устал или больной —
Я приду, и, значит, всё возможно.

В суете бегущих, пёстрых дней
Так легко потерянные связи,

Но с тобой мне всё-таки теплей
В этом бесконечном, шумном празднике.

Мы не клялись в вечной дружбе у огня,
Не пили кровь и не давали клятвы.

Но если тишина зовёт меня —
Я знаю, ты придёшь ко мне обратно.

Не надо громких слов и пышных фраз,
Когда всё пишется поступками простыми.

Ты просто есть. И в самый трудный час
Мы остаёмся вечно молодыми.

И пускай летят за годом год,
Мы с тобой останемся всё теми.
Тот, кто дружбу верно бережёт, —
Самый богатый человек на свете.

Тихий свет

Этот стих — о том, как вечерняя тишина становится зеркалом. Вглядываясь в сумрак за окном, вдруг понимаешь: за тоской, за усталостью всегда есть тихий свет, который возвращается в дом. Неважно, как долго длится ночь — утро всегда наступает.

Вечер разлил акварель по стеклу,
Ветер качнул тишину на весу.
Где-то вдали, за изгибом реки,
Тихо мигают огни маяков.

Сядем на теплый, остывший песок,
Пусть между нами плетется ток.

В небе лениво плывут облака,
Ночь подступает к нам легонько, слегка.

Звезды — как бисер на темном плаще,
Месяц стыдливо блестит в мираже.

Этот покой, словно первый глоток,
Сладок и чист, как весенний денек.

Знаешь, есть счастье — вот так помолчать,
В такт с этим миром дышать и мечтать,

Чувствовать, как в тишине, не спеша,
Входит гармония в нашу душу.

За окном уже вечер разлит синевой,
Тишина наливается мягкой мглой.

Только ветер, вздыхая, листвою шевелит,
Да фонарь одинокий во тьме не сгорит.

Где-то звезды зажглись в вышине надо мной,
Неподкупной, холодной и вечно немой.

И плывет в этой бездне уставший месяц,
Словно лодка, что в небе не держит весел.

Я смотрю в этот сумрак, растворенный в окне,
И так ясно вдруг стало и сердцу, и мне:
Что за этой тоской, за вечерней чертой —
Тихий свет, что всегда возвращается в дом.

Перед сменой

Утро перед работой. Город только просыпается, в руке — стакан чёрного кофе, впереди — день, который ещё не случился. Стих о том ритуале, который мы проходим каждое утро, и о том, как в этом есть своя поэзия.

Ещё фонарь не догорел до конца,
А я застёгиваю пальто.
В глазах — тишина и следы кольца,
Ничего лишнего, кроме пальто.
Трамвай ушёл под зелёный сигнал,
Пока я искала второй носок.
Рассвет над городом ещё не устал,
А улицы встали, как котелок.
Я прохожу мимо старых дворов,
Где пахнет сиренью и сырой листвой.
У серой хрущёвки знакомый подъезд,
За ним — тишина с самой первой звездой.
Мне нужно до поворота дойти,
Где светится вывеска в сером огне.
Там кофе варю я один на пути,
Фильтр или колд брю на крутом вираже.
Порядок привычный. Зерно. Кислинка.
Ни сахара, ни молока, ни воды.
Здесь правильный кофе — без лишней слезинки,
Глоток этой чёрной утренней жди.
Я жду у окна, смотрю на проспект,
Там лужи блестят, как старая медь.
Кто-то бежит, опоздав на сто лет,
Кто-то решил никуда не лететь.
Беру свой стакан. Глотаю тепло.
Горчит — как и надо, без всяких прикрас.
И можно идти, где меня не ждало
Никто, кроме дела, что ждёт каждый раз.
Один район тянется вверх с трудом,
Другой протирает свои глаза.
Третий укрылся пустым платком,
А кружка моя — как небес бирюза.
Я выхожу. Хлопает вход.
Сзади — «Счастливого дня!» — невпопад.
Кто-то встаёт, кто-то, наоборот,
В метро уезжает в обратный адрес.
А я просто пью этот утренний чёрный,
И ветер сдувает остатки тревог.
И город течёт по маршруту покорно,
И я растворяюсь в потоке дорог.

Нет Ничего Невозможного

О том, как я вернулась в родную школу через много лет. Учительница обняла, директор сказал: «Это наша гордость». А я вспомнила, как в детстве сидела на том же месте и боялась, что ничего не получится. Получилось.

Я в школу зашла, как в свой старый дневник,
Где каждый листок — это прожитый миг.
Учительница меня обняла,
Сказала: «Ты выросла, ты личностью стала».

Я книгу вторую ей в руки дала,
А первую в школьном музее нашла.

Она говорит: «Твои строки — огонь,
Ты душу в них вложила, меня не обмань».

Там видно и слёзы, и нежность, и боль,
И к парню любовь, что сжигает порой.

Директор сказал: «Это наша звезда,
Гордость школы на все года».

Теперь на уроках мой стих разберут,
И в классе, где парты знакомые ждут,

Скажут девчонкам: «Смотрите, вот так
Из маленькой девочки вышел маяк».

Нет в мире невозможных вещей,
Мечтай — и не бойся своих же идей.
Я помню, как в детстве тетрадку брала...
И вот она в музее уже устояла.

Бабушкин дом

Я поняла, что всё, что я знаю о любви, я узнала там. В доме, где пахло мятой и свежим хлебом. Где прощали всё. Где ждали всегда. Я не могу возвращаться туда каждый день. Но могу вернуться этими стихами.

Я помню двор, заросший бузиной,
Где лето пахло мятой и вареньем.
Мы бегали босыми за стрекозой,
И дождь казался добрым приключеньем.
Бабушкин дом скрипел половицей у дверей,

На кухне пахло свежим хлебом и укропом.
Мы знали — нет на свете дней
Важнее тех, где вечер сизым скопом
Садился на забор, и свет в окне
Горел для нас, промокших и уставших.
И где-то там, в цветущей тишине,
Мы время растеряли, но нисколько не уставших.
А речка за оврагом — тёплая вода,
Песок на зубах и счастье до неба.
Мы не знали тогда, что будет череда
Осений и зим, но хлеба
Хватало всем. Мы просто пили сок
Из банки трёхлитровой, разбитой у крыльца.
И мама звала: «Пирогу остыть не долго!»,
А мы не слышали — до самого конца.
Потом качели. Старые качели.
Доски, гвозди, цепь и синий лак.
Мы взлетали выше, выше еле-еле,
И казалось, что не нужен никакой маяк.
Мы сами были светом для друг друга.
И ссадины на коленях — как гербы.
И не было ни зависти, ни зла вокруг,
И даже тучи не боялись мы.
А вечером — на сеновал, в игру.
Прятались в сухой траве с визгом и смехом.
И кто-то сверху тихо: «Я найду!»,
А звёзды разгорались над орехом.
Тот старый орех, разлапистый и шумный,
Хранил секреты наши и мечты.
И было всё по-настоящему, шумно,
Весёлой связкой детской теплоты.
Потом мы выросли. Но кто сказал — ушли?
Мы просто стали реже собираться.
Но двери дома — всё ещё свои,
И есть куда и к кому возвращаться.
Бабушкин дом — он наш, родной, живой,
Калитка хоть и краской новой крашена.
А память — как карманный, тёплый, свой
Очаг. Он светит, и нисколько не погашен.
Я закрываю глаза — и слышу смех,
И бег босой по травам, и качели.
Спасибо, время, что мы здесь — не для помех,
А чтобы снова собираться в воскресенье.
Мы возвращаемся. Все живы. Все свои.
Тот двор всё тот же — пахнет мятой, летом.
Мы носим эти дни, как лучшие дары,
И чай пьём за большим, скрипучим, тёплым светом.
Вот так живут воспоминания:
Ни грусти, ни тоски — одно веселье.

Как будто детство — вечное свидание,
А взрослость — просто долгое веселье.
И каждый раз, как входим в эту дверь,
Нас ждёт пирог, варенье и объятья.
Бабушкин дом — он здесь, живой теперь.
И все живы. И это, правда, счастье.

Клубника на обратной дороге

Ностальгия по тем летам, когда нас было пятеро. Когда всё казалось вечным. Теперь мы разлетелись, и встречаемся редко. Но каждый раз, когда я ем клубнику, я вижу то поле. Слышу бабушкин голос: «Пятеро! За стол!»

Нас пятеро. Деревня. Лето. Жара спадает лишь к вечеру.
Бабушка нас отправила в лес: «Чтоб без вас отдохнула я».
Дед чинит грабли в сарае, машет рукой из-под козырька,
Мы убегаем гурьбой за околицу — пятеро, вся семья.

Брат кепку набок, сестры смеются и машут мне через плечо,
Я замыкаю, в руке три банки из-под сметаны и веник трав.

Тропа ныряет в овраг, где холодно даже в самое пекло,
И вот он — малинник, густой и колючий, как старый нрав.

Земляника прячется в листьях, янтарные капли на землю просятся,
Черника синеет на пальцах, мы лижем их и хохочем в ответ.

Мы не просто дети — мы индейцы, за нами погоня и осень,
А брат находит огромную ягоду и прячет в кулак: «Мой секрет».

Мы на него бросаемся втроем, сестры визжат, как птенцы,
Я падаю в куст, теряю сандалию и тут же нахожу клад.

А младшая ревет в стороне: «Вы плохие, вы не молодцы!»
Средняя ей отвечает: «Зато у нас ягоды — целый парад».

Я люблю этот час, когда солнце уже не печёт, а ласкает,
Когда мы вылезаем из чащи и валимся в мягкий мох.

Кажется, лето навечно. Оно никуда не убегает.

Но что-то внутри подсказывает: это ненадолго. Ох.

Вечером мы у моста, где рябина качает красной серьгой,
На старом пне загадаем желание — лишь бы не уезжать.

Сестра говорит тихо-тихо: «Жалко, что мы только гости порой.
Как хорошо бы всегда здесь быть, а не раз в год приезжать».

А сейчас — раз в год. Или даже реже. Билеты, вокзал, чемоданы.
Бабушка стала совсем седой, не выходит встречать к перрону.

Дед чинит забор, но всё медленней, руки уже не те, раны
Времени тянутся. В доме тишина, словно выключили пластинку и тону.

Помню, как ели из одного ведра, спорили: кто больше съел?
Все знали, что я, но никто не сдавался, кричали: «Врёшь!»

Как брат в крапиву упал по колено, орал и на нас глядел,
А я потом три дня вытаскивала колючки — ругались, но всё же дружны — вот молодёжь.

Младшая села среди поля и плачет: «Я больше шагу не сделаю!»
Средняя фыркнула: «Слабаки!» — и сама через шаг упала.

Мы хохотали до колик, потом возвращались гордые, смелые,
И бабушка ждала с пирогами, ворчала, но нас целовала устало.

Теперь я в городе. Листаю фотографии в маленьком телефоне.
Память звенит, как струна, если тихо коснуться рукой.

Нас пятеро было. Теперь мы редко бываем в этом районе,
У каждого поезд свой, дом и забота, и лето чужое порой.

Но я помню запах. Земляника с дымком, чай из бабушкиных ладоней.
Как бежали к реке босиком через чужой огород, под дождь и гром.

Как кружились в хороводе, и не было в мире роднее и попросту ближе,
Чем эти пятеро, что теперь разлетелись, как птицы, но каждый в своём.

Не плакали. Правда. Глотали и дождь, и ягоду, и эту свободу.
А в поезде, когда деревня уползала в ночь за стеклом,

Мы обнимались молча. Слова кончались. Оставалась дорога.
И каждый знал: мы вернёмся. Но вышло не так. И больно потом.

Теперь я ем клубнику — и сразу же вижу: крыльцо и бабушкин голос:
«Пятеро! За стол! Остывает!» — и дедов молоток вдалеке.
Я закрываю глаза, и на миг всё становится явью и колос
Пшеницы в том поле, где мы ещё есть и где счастье по руке.

Календарь души

Я люблю смену сезонов. В каждом из них — свой голос, свой свет, своё настроение. Осень — для грусти, зима — для чудес, весна — для надежды, лето — для жизни. Это стихотворение — о том, как время становится частью нас. И мы — частью времени.

Я помню, как осень входила в мой дом —
Не ветром, а запахом яблок и дыма.
Кофейная горечь, и дождь за окном,
И листья летели куда-то незримо.
Я прятала руки в карманы пальто,
На цыпочках шла по опавшей листве.
И осень шептала: «Ты помнишь ли то,
Что было когда-то на старой картинке?»

Потом приходила зима — вся в снегу,
В пушистых сугробах, в морозном дыханье.
Мы жгли в камине свою тоску,
И верили в чудо, и ждали признанья.
Качели застыли, и речка под льдом,
И чай с малиной, и ёлка в огнях.
Зима укрывала всё белым крылом,
А мы на коньках — в ледяных зеркалах.

А следом весна — как зелёный прибой,
Как брызги сирени и шёпот капли.
И пахло землёй, и новой судьбой,
И мы почему-то все верить умели.

Мы бегали по лужам, смеясь, босиком,
И ветер врывается в открытую дверь.
Весна нам шептала: «Всё будет потом,
А пока просто дыши и верь».

А лето — оно было главным всегда.
Оно пахло мятой, рекой и вареньем.
И солнце стояло над нами, как май,
И каждый дышали этим мгновеньем.
Босые пятки, качели, рассвет,
И ночи с гитарой, и смех до утра.
И вроде бы времени больше уж нет,
Но лето — оно ведь не просто игра.

И так — по кругу, как будто кино,
Где сменяют кадры без злой суеты.

И время, и я — мы заодно,
И в каждом сезоне — кусочек мечты.

Осень — для грусти, зима — для чудес,
Весна — для надежды, а лето — для жизни.

И в этом круговороте небес
Я нахожу себя, слышу и вижу.

И знаете, стоит лишь выйти во двор —
И воздух напомним, как в детстве когда-то.
И кружится мир, и я в нем — до сих пор,
А сезоны — всего лишь главы из даты.

Мои четыре берега

Детство — это берег, с которого мы уходим, но никогда не уплываем. Отрочество — буря, юность — ветер, взрослость — тихая гавань. И каждый из них — часть одной карты, которую мы носим в сердце.

Я помню детство — оно пахло манкой,
Бабушкиным хлебом и маминым шёлком.
Я бегала босиком по полянке,

И прятала куклы под старенькой ёлкой.
Качели скрипели, и вишня краснела,
Я верила в фей и в дожди после зноя.
А мама пекла пироги и глядела,
Как я примеряю её платье стоя.
Я помню, как пальцы пахли черникой,
Как лоб целовали на ночь, шепча:
«Расти, наша дочка, расти, наша вольная,
Ты — солнце, что светит нам с самого начала».
И мир был огромным, как мамины руки,
И страха не было — только тепло.
А время текло, как парное молоко,
И было всё просто и очень светло.

Потом наступило иное — не то.
Я в зеркале стала искать себя.
Уже не хотелось быть просто «цветою»,
Хотелось быть тою, кого любят, любя.
Школа, звонки, и тетради в обложках,
И первые слёзы, и первый стих.
И мальчик с глазами, как горькие крошки,
Который не видел, что я — только миг.
Я прятала чувства в карманы пальто,
Писала про осень и вечную грусть.
Мне казалось, что жизнь — это только не то,
Что надо взрослеть, но я не хочу...
Я падала, плакала, но поднималась,
Учителя верили в нас, вопреки.
И я всё писала, я в рифме купалась,
И прятала душу в свои же стихи.

А юность — она как горячий песок,
Как первый бокал и как первый поцелуй.
Когда ты ещё не умеешь на срок
Делить свою жизнь — ты летишь и живешь.
Мы бегали ночью по крышам и паркам,
Смеялись, кричали и плакали тоже.
И кто-то дарил нам цветы и подарки,
А кто-то был тем, без кого жить не можем.
Я верила в звёзды, в людей, в чудеса,
Я думала, что это — навечно.
Я красила губы, и прятала глаза,
И слёзы казались сердечностью млечной.
Я падала в пропасть, но вновь поднималась,
Я в зеркале искала ответ.

И юность, она не навек оставалась,
Она уходила, оставив мне свет.

А взрослость пришла не с морщинами, нет —
Она принесла мне терпенье и память.
Умение видеть за временем свет,
И знать, что всё можно, но не надо ранить.
Я помню, как пахло варенье и мята,
Как мама укрыла меня в тишине.
И я уже та, кто когда-то давно,
Боялась признаться, что — это не сон.
Я выросла. И я не стала другой.
Я — та же девчонка, что прятала косы.
Но в сердце теперь — и покой, и прибой,
И больше нет страха, что сломаются грёзы.

И если я пишу сейчас этот стих —
Я листаю страницы себя же.
Где детство смеётся, где юность — как вихрь,
Где отрочество жжёт, но не режет.
Я — помню. Я — знаю. Я — дышу.
И каждая строчка — как мамин платок.
Я взрослость не боюсь — я за неё благодарю,
Ведь каждый этап — это мой же урок.

Настоящее — ПЛОТНИК ГРЯДУЩЕГО

Настоящее — плотник грядущего». Так назывался конкурс, для которого было написано это стихотворение. Оно о том, что будущее не в гаджетах и не в мечтах. Оно в том, как ты улыбнулся сейчас. В том, сказал ли ты то, что должен был сказать. В том, вошёл ли ты в старый дом или остался стоять на пороге. Эти два рассказа — о том же.

Настоящее — плотник грядущего:
Каждый вздох, каждый шаг и порог.
За дощечкою дверь настоящего
Отворяется в вечный чертог.

Не во сне и не в марсианских огнях
Наше завтра возрастает с утра.

Оно — в маминых ласковых днях,
В том, как строим мы дом и «вчера».

Опусти молоток — и рухнет мост,
Скажешь ложь — и рассыплется град.

Каждый прожитый миг — это прост
В неизбежность. И выбор — не взгляд,

А поступок, который сейчас
Совершаешь ты в этой тиши.

Будущее не ищет пролаз,
А растит урожай из души.

Так смотри же: что сеешь сегодня —
То польётся дождями сквозь срок.

Настоящее — плотник Господний,
Настоящее — главный пророк.

Оглянись: твоё завтра — в обрывке звонка,
Что забыл отправить вчера.

Будущее — в глотке родника,
Что засох, если врать до утра.

Не в гаджетах и не в ракетах ответ —
В том, как ты улыбнулся сейчас.

Через тысячу зим и тысячу лет
Отзовётся сегодняшний час.

Покачнёшь настоящее — рухнет судьба,
Недолюбишь — рассыплется мир.

Будущее — не дым из горба,
Не футуристичный эфир.

Это завтрашний хлеб на столе,
Что замешен из нынешних рук.

Это свет в потухшем тепле,
Это эхо преодоленных мук.

Так живи, словно каждый твой миг —
Уже вечность, уже финал.
Будущее — лишь тот же самый крик,
Который ты сейчас недождал.

Уют и дом

Я не знала, что дом — это не стены, а тот, с кем можно молчать. Что счастье — это вечер, чай, плед и тишина, которая дышит теплом. И что быть рядом — достаточно, чтобы мир перестал быть чужим.

Вечер опускается мягко, за окном весенняя прохлада,
Но в нашей комнате тепло, свет свечи, полумрак, и мы с тобой.
Мы не говорим о важном, о том, что будет завтра и после,
Мы просто есть, и этого хватит, чтоб мир за окном перестал быть чужим.

Чай с мятой давно остыл, но я держу кружку в ладонях,
Ты листаешь что-то в телефоне, я смотрю на тебя и молчу.

Мне не нужно слов, чтобы знать: ты здесь, ты дышишь, ты рядом,
И плечо твоё под моей рукой — это больше, чем обещания.

Где-то на кухне закипает чайник, и я встаю, чтоб налить тебе,
Ты поднимаешь глаза на секунду, и в этом взгляде целый мир.

То, что нельзя сказать вслух, что не влезает в короткие фразы,
Остаётся здесь, между нами, в тишине, которая дышит теплом.

Мы говорим о пустяках: о ветре, о хлебе, о чьём-то отъезде,
Мы смеёмся без повода, просто потому что нам хорошо.

В этих словах не великие смыслы, а жизнь, настоящая, простая,

Без громких обещаний и клятв, без цветов и ненужной красоты.

Ты — мой дом. Не стены, не крыша, не адрес в чужом городе.
Ты — тот, кто согревает, когда за окном сырость и стужа.

С тобой тишина не пугает, молчание звучит как музыка,
И достаточно просто быть рядом, чтобы мир стал чуточку светлее.

За окном ветер качает деревья, медленно, тихо, как время,
Мы сидим на диване, и я понимаю: вот оно — счастье.
Без повода, без причины, без дат и без лишних вопросов.
Просто вечер, чай, плед, и ты, и я, и тишина.

Перемены

*Я думала, перемены — это громко. А они — как утро: открываешь глаза и понимаешь,
что дышать стало легче. И ты уже не та, кем была вчера. И это не грустно. Это правильно.*

Год назад я сидела в этой же комнате, за этим же столом, в этом же кресле,
Но всё было иначе — мысли другие, люди другие, и я другая,
Хотя в зеркале было то же лицо, и тот же свет падал на стены.
Я смотрела в окно и не видела ничего, кроме серого неба и пустоты.

Я ждала, что кто-то придёт и спасёт, что изменится всё само собой,
Что однажды я проснусь — и боль уйдёт, и станет правильно и легко.

Но никто не пришёл, и ничего не случилось, только я и мой страх,
Который я прятала даже от себя, в темноте, в тишине, за улыбкой.

А потом я сделала шаг — самый маленький, почти незаметный,
Тот, который никто не заметил бы, если б не знал, как тяжело он мне дался.

Я перестала ждать и пошла не к кому-то — к себе самой,
К той, которую потеряла где-то между «надо» и «правильно», между чужим и своим.

Перемены — они не громкие, не приходят с фанфарами,
Они как утро: открываешь глаза и вдруг понимаешь — дышать стало легче,

Свет проникает сквозь шторы, внутри больше не пустота,
А начало чего-то нового, живого, настоящего, светлого, тёплого.

Иногда перемены — это боль, когда отпускаешь то, что держала годами,
Когда прощаешь того, кто не просил прощения и не заслужил его,

Когда смотришь в прошлое и говоришь: «Спасибо, но я иду дальше,
И я не обернусь, даже если ты позовёшь меня снова».

Иногда перемены — это страх перед новым, перед неизвестностью,
Перед тем, что никто не обещал лёгкости и никто не даст гарантий,

Но я иду, потому что знаю — за поворотом ждёт свет,
И я сама зажгу его, если никто другой не зажжёт его для меня.

Вчера я простила то, что не прощала, сегодня я отпустила то, что держала,
Завтра я сделаю то, что боялась, и каждый день — это шаг вперёд,

И каждый шаг — новая версия меня, новая глава, новая линия жизни,
И я уже не та, кем была вчера, и это не грустно, это правильно.

Спасибо тем, кто был рядом, когда я падала, спотыкалась, сомневалась,
Тем, кто держал за руку, тем, кто молчал, когда мне нужно было молчать,

Тем, кто улыбался, когда я плакала, и не говорил пустых слов,
А просто был рядом, и этого хватило, чтобы я не сломалась и пошла дальше.

Спасибо тем, кто ушёл, — они научили меня быть сильной и не зависеть,
Спасибо тем, кто остался, — они научили меня доверять и не бояться,

Потому что я не законченная история, я — книга, и новая глава уже пишется.
Спасибо себе — за то, что я не сдалась и не закрыла дверь,
За то, что я всё ещё верю и всё ещё умею идти вперёд, несмотря ни на что.

Я больше не та, кем была вчера, и это не грустно — это правильно,
Потому что жизнь — это движение, и я двигаюсь не назад и не по кругу,
Я иду в ту сторону, где меня ещё нет, но где я обязательно буду,

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РАССКАЗЫ

Здесь — истории. Длинные и короткие. Те, что просились на бумагу и не хотели уходить. О весне, которая начинается с первого глотка. О любви, которая ждала восемь лет. Об острове, где можно потеряться, чтобы найти себя. О кофейне, где реальность смещается. О воде, которая помнит всё. И о том, как один звонок в четыре утра может изменить жизнь.

Первый глоток весны

Рассказ о том, как иногда для того, чтобы изменить свою жизнь, достаточно одного утра. Одного решения. Одного глотка чёрного кофе. О том, как весна приходит не по календарю, а когда ты готов её впустить.

Она проснулась за минуту до будильника.

Шесть утра. Телефон молчал чёрным экраном, но в комнату уже пробивался белый свет — свежий, апрельский, какой бывает только ранней весной, когда солнце ещё не взошло, но уже подаёт голос. Она лежала и смотрела в потолок. Обычно в это время она спала без задних ног, и маме приходилось заходить дважды: сначала позвать, потом потрясти за плечо. Но сегодня глаза открылись сами. Будто кто-то щёлкнул пальцами у изголовья.

Она села, потянулась, хрустнула шеей. За окном ни облачка. Асфальт блестел: ночью прошёл дождь, к утру закончился, оставив после себя сырые лужи и тот самый запах — апрельский. Когда воздух ещё холодный, нос щиплет, но внутри уже что-то оттаяло. Где-то глубоко, между рёбрами.

До колледжа сегодня первая пара отменялась. Можно было спать дальше. Но она почему-то не хотела. Тело само поднялось с кровати, ноги сунулись в тапки.

В коридоре тихо. Мама спала, дверь в её комнату приоткрыта, оттуда доносилось ровное дыхание. Отец уехал в командировку ещё в понедельник, и без него квартира казалась просторнее, но пустее.

Пальто висело на вешалке — старое, тёплое, уже маловатое в плечах. Она натянула его, сунула телефон в карман джинсов, ключи — в другой. Лифт не стала ждать. Лифт в их доме работал с перебоями: то кнопка не нажималась, то двери закрывались слишком медленно, будто раздумывали. Она выбрала лестницу.

Шестой этаж — сто двадцать ступенек. Она считала их в детстве, возвращаясь из школы. Сейчас уже не считала. Просто бежала вниз, перепрыгивая через две, и ступеньки гремели под ногами. Перила, старые, с облупившейся краской, скользили под ладонью. На площадке третьего этажа пахло кошачьей едой — соседка сверху кормила бездомных прямо в подъезде.

На улице никого. Только фонари, усталые после ночи, горели жёлтым, и серая машина стояла у тротуара с выключенными фарами. Где-то за квартал прошёл трамвай, звякнул на повороте и стих.

Она вышла из арки и вдохнула.

Ветер — холодный, с нотками сырой земли и прошлогодней листвы — ударил в лицо, и от этого захотелось улыбнуться. Она пошла быстро. Не потому что торопилась — просто хотелось двигаться. Руки она засунула в карманы пальто, волосы трепались, и приходилось то и дело откидывать их со лба.

Город только просыпался.

У круглосуточного супермаркета горел неоновый свет, внутри за прилавком стояла сонная продавщица и пила чай из пластикового стаканчика. Дворник в оранжевом жилете прошлёпал по луже, шаркая тапками. Женщина в спортивном костюме выгуливала рыжего пса — тот нёсся вперёд, натягивая поводок.

Она свернула на Декабристов. Здесь начиналось оживление: из дверей выходили люди с портфелями и кофе в бумажных стаканчиках. Кто-то курил, прижавшись к стене, кто-то разговаривал по телефону, прикрывая рот ладонью от ветра.

И вдруг она увидела вывеску.

«Skuratov Coffee». Чёрные буквы на белом фоне.

Она проходила мимо этой кофейни сто раз. Каждый день по пути в колледж. Но никогда не заходила. Не потому что запрещали — просто не было повода. Она не пила кофе. Вообще. В группе все пили. На переменах девчонки бегали в кофейню за латте с солёной карамелью. Она же всегда говорила: «Мне чай». Не потому что не нравилось. Просто боялась. Горький, непонятный, взрослый. Казалось, если заказать кофе, все сразу поймут, что ты притворяешься.

Сегодня она остановилась у двери. Посмотрела на своё отражение в стекле — растрёпанная, с покрасневшими от ветра щеками, в пальто на вырост. Почему бы нет? Семнадцать лет. Второй курс. Время попробовать.

Она толкнула дверь.

Внутри оказалось просторно. Бетонный пол, стены из кирпича, открытые металлические конструкции под потолком. В углу — винтажные диваны, живые растения в горшках, на стене неоновая вывеска с надписью «nitro coffee». На другой стене — плакат с инструкцией по приёму Геймлиха. Визитная карточка сети.

Но больше её привлёк бар. Стойка из стеклоблоков, которая мягко светила изнутри холодным белым светом. Над ней — три стеклянные колбы на металлических подставках. В верхней таял лёд, вода медленно капала на молотый кофе, и готовый напиток тёмной струйкой стекал в нижний сосуд. Киото. Колд брю.

За стойкой стояла девушка. Чёрный фартук поверх свитера, тёмные волосы собраны в низкий пучок. Она молча протирала чашки, и в её движениях чувствовалась привычная неторопливость.

Очереди не было. В такой ранний час кофейня только начинала жить: двое парней сидели у окна с ноутбуками, девушка в наушниках читала книгу на винтажном диване.

Она подошла к стойке.

Девушка-бариста подняла глаза. Скользнула взглядом по её лицу, пальто, мокрым ботинкам. Ничего не сказала. Просто ждала.

— Доброе утро, — выдохнула она.

— Привет.

Пауза. Она уставилась в меню над стойкой.

— Я первый раз, — призналась она. — Никогда не пила кофе. Вообще.

Девушка чуть приподняла бровь — не удивлённо, скорее заинтересованно.

— Совсем никогда?

— Ни разу. Всё время пила чай.

Бариста убрала тряпку, опёрлась локтями на стойку.

— Тогда начни с чёрного фильтра, — сказала она спокойно. — Без молока, без сахара.

— А не горько?

— Горько, — кивнула девушка. — Но ты почувствуешь вкус. Настоящий.

Она не поняла, что значит «настоящий вкус» кофе. Но фраза прозвучала уверенно. Как будто речь шла о чём-то большем.

— Хорошо, — сказала она. — Давайте фильтр.

Девушка кивнула и повернулась к оборудованию. Взяла свежемолотый кофе, залила водой. Запах поплыл по залу — густой, хлебный, с нотками тёмных ягод.

Она отошла к окну. Села на высокий стул у подоконника. С этой точки было видно всю улицу Декабристов — мокрый асфальт, первых прохожих, дворника, который уже добрался до следующего квартала. Внутри что-то щёлкало, переворачивалось. Будто она переступала невидимую черту.

И вдруг она заметила.

На газоне у самой стены кофейни, в трещине асфальта, торчал цветок. Маленький, белый, с зелёными прожилками. Подснежник. Один. Крошечный, согнутый, можно было не заметить.

Но он был.

Она уставилась на него, забыв про кофе. Ведь этот газон вытаптывали каждую весну, поливали реагентами зимой, сгребали снег. И всё равно — пробился.

— Ваш кофе.

Она обернулась. Бариста протягивала через стойку бумажный стакан с прозрачной крышкой. Она взяла — стакан обжигал пальцы. Тёплый, почти горячий.

Поднесла к губам. Глоток.

Горечь ударила в нёбо, в язык, в горло. Острая, непривычная, без молока и сахара. Она чуть не поморщилась. Но через секунду пришло тепло — оно расползлось по груди, по животу, поднималось к щекам. А следом — странное чувство. Будто в голове зажгли свечу, и всё стало чётче. Запахи, звуки, даже цвета за окном.

Она выдохнула и улыбнулась.

— Ну? — спросила девушка из-за стойки.

— Горько, — сказала она. — Но я чувствую. Что-то ореховое.

— Это арабика из Эфиопии, — пояснила бариста. — У неё ягодные ноты.

Она не поняла про ягодные ноты. Но стало приятно. Будто её приняли в какую-то компанию, о которой она раньше не знала.

Она повернулась обратно к окну и стала пить маленькими глотками. Сидела, смотрела на подснежник и думала. О том, что весна приходит не по календарю. Не по числам и не по прогнозу погоды. Весна живёт в этой трещине асфальта, в этом стакане, в её груди, которая вдруг стала больше.

Раньше она ждала весну — перелистывала дни в марте, считала до тепла. Но это чувство всегда приходило как-то мимо. Весна означала больше солнца, можно не носить шапку. Но сегодня она поняла: весна — это когда просыпаешься за минуту до будильника и не хочешь спать. Когда выходишь на улицу и дышишь так глубоко, что закладывает уши. Когда заказываешь чёрный кофе впервые в жизни и не жалеешь.

Допила она, когда стакан уже остыл. Встала, кивнула девушке за стойкой.

— Спасибо.

— Заходи ещё, — ответила бариста. И добавила: — Утром лучше всего брать колд брю. Мягче.

— Обязательно.

Она вышла на улицу. Город кипел вовсю. Сигналили машины, хлопали двери. Она шла домой, сжимая пустой стакан, и поймала себя на мысли, что улыбается. Просто так. Без повода.

Впервые она проснулась сама.

Впервые вышла из дома в такую рань без цели.

Впервые попробовала кофе и поняла вкус.

Впервые увидела цветок в асфальте и не прошла мимо.

Впервые не просто дождалась весны — а шагнула в неё.

Эпилог. Пять лет спустя

Она снова открыла дверь «Скуратов» на Декабристов.

В шесть утра. В пальто, но уже другом — своём, не на вырост. Волосы теперь короткие, в ушах маленькие серьги. Туфли вместо ботинок. За плечами — не колледж, а работа. Но внутри всё так же: бетон, кирпич, зелень, неоновая вывеска «nitro coffee», плакат с приёмом Геймлиха на стене.

Винтажные диваны — такие же, только потёртостей стало больше.

За стойкой — она. Та самая девушка. Пучок теперь высокий на макушке. Чёрный фартук поверх уже не свитера, а рубашки. Когда она улыбнулась, у глаз появились едва заметные морщинки.

— Доброе утро, — сказала бариста. И посмотрела внимательнее. — Постой. Я тебя помню.

— Правда?

— Ты заходила пять лет назад. Весной. Впервые попробовала кофе. Заказала фильтр, сказала, что никогда не пила.

Она рассмеялась. Пять лет прошло — а её запомнили. В кофейне, где сотни гостей каждый день.

— Да, это была я.

— И что теперь будешь?

Она посмотрела на меню. Там всё ещё висели те же названия. Но теперь она понимала каждое слово.

— Колд брю, — сказала. — Чёрный. Как вы советовали.

Девушка кивнула и повернулась к стеклянной башне.

Она села у окна. На тот же стул у подоконника. За стеклом — весна. Снова апрель. Снова мокрый асфальт, первые прохожие, дворник с метлой. Она смотрела на газон у стены. Подснежника там уже не было — может, его затоптали в тот же день. Но он был когда-то, и этого хватило.

— Ваш колд брю.

Она взяла стакан. Сделала глоток.

Мягче, чем фильтр. Чище. Вкус растекался медленно, без резкой горечи. Как память — не бьёт в голову, а обволакивает.

Будильник теперь не нужен. Она научилась вставать сама. Пять лет — и она всё ещё ходит в эту кофейню. По утрам. В весну.

За стойкой бариста готовила следующий заказ. Та же спокойная уверенность в движениях.

Она подумала: сколько таких «первых разов» эта девушка видела за пять лет? Сколько студентов, которые впервые заказывают чёрный кофе и удивляются, что горчит?

Но сейчас это было неважно. Важно другое: она сидит здесь, на Декабристов, в этой кофейне, и пьёт колд брю чёрным. Без молока, без сахара.

Как в первый раз.

Только теперь — точно зная, что ей нравится.

Она улыбнулась.

За окном в трещину асфальта пробивался новый подснежник.

Все это время

Самая болезненная история в книге. О том, как мы иногда держимся за прошлое, потому что боимся, что будущее не подарит ничего лучше. О том, как любовь выбирает не «лучшего», а того, кто оказался рядом в нужный момент. О том, как мы учимся отпускать.

«Ждать человека, который никогда не придёт, — это не любовь. Это способ не замечать того, кто стоит за спиной.»

Данный рассказ опубликован как отдельная книга на сайте Ridero.

Глава 1. Вера

Часть первая. Школа

Ей казалось, что она всё придумала.

Восемь лет — большой срок, чтобы забыть школьную любовь. Вера и забыла. Почти. Марк остался где-то между выпускным и первой сессией, между глупыми мечтами и первой настоящей работой. Она даже перестала проверять его страницу в соцсетях года три назад. А когда случайно натыкалась на общие фотографии, удивлялась: «И это из-за него я плакала в подушку?»

Глеб был другим.

Глеба она помнила всегда, но как-то иначе. Не с замиранием сердца. С теплом, скорее. Он сидел за соседней партой, всегда давал списать домашку по физике, а однажды, когда Вера разревелась из-за двойки по алгебре, молча положил ей на парту шоколадку. Не сказал ни слова. Просто шоколадку. «Алёнку», по рублю двадцать.

Она тогда подумала: «Хороший парень. Кто-то оценит».

Не она.

В восьмом классе она влюбилась в Марка.

Это случилось на уроке физкультуры. Марк играл в баскетбол — бегал быстрее всех, прыгал выше всех и смеялся громче всех. Его светлые волосы прилипли ко лбу, футболка промокла насквозь, но он всё равно улыбался.

Вера стояла у стены с девочками и не могла отвести взгляд.

— Нравится? — спросила подруга Лена, проследив за её взглядом.

— Нет, — слишком быстро ответила Вера.

Лена засмеялась.

Врать она не умела.

Дальше — больше. Вера начала замечать Марка везде. В коридоре, в столовой, на переменах. Она знала расписание его уроков, хотя они учились в параллельных классах. Знала, что он ест на второй перемене, а в четвертой курит за школой. Знала, что у него дома живёт рыжий кот и что он ненавидит молоко.

Она никогда не говорила с ним больше двух минут. Но эти две минуты запоминала поминутно.

В девятом классе Вера решила признаться. Подошла после уроков, открыла рот — и не смогла выдать ни звука. Марк посмотрел на неё вопросительно.

— Что? — спросил он.

— Ничего, — выдавила Вера. — Просто... рисунок хотела показать.

Она наспех вырвала лист из альбома. Там был нарисован баскетбольный мяч. Глупый, кривой, детский.

Марк посмотрел, хмыкнул.

— Классно, — сказал он без энтузиазма. И ушёл.

Вера стояла с пустыми руками. Рисунок остался у Марка. Она так и не знала, выбросил он его или нет. Скорее всего выбросил.

Глеб сидел за партой в тот день? Вера не помнила. Она вообще редко замечала Глеба. Он был тихим, незаметным, всегда в тени. Хороший парень, да. Но разве можно влюбиться в «хорошего парня», когда рядом есть Марк?

Часть вторая. Встреча

Они встретились в метро на «Площади Восстания».

Вера спешила на собеседование, опаздывала, рылась в сумке в поисках проездного, и лбом — аккуратно, по-дурачки — врезалась в чью-то грудь.

— Простите, я не...

— Вера?

Она подняла глаза.

Глеб почти не изменился. Те же светлые глаза, тот же спокойный взгляд. Но что-то было иначе. Плечи шире, может быть. Или он просто держался прямо, не сутулился, как в школе. На нём было хорошее пальто, не дешёвка, и пахло от него дорогим кофе и мятой.

— Глеб? — она моргнула. — Боже, сколько лет.

— Восемь, — сказал он без паузы. — Восемь лет и три месяца.

Она не знала, что на это ответить. «А ты считал?» — прозвучало бы странно. Она промолчала.

Они постояли несколько секунд. Люди обтекали их, как вода камни. Кто-то толкнул Веру плечом, она шагнула ближе к Глебу, и он мягко — совсем как в школе — взял её за локоть, отводя к стене.

— Ты куда? — спросил он.

— На собеседование. В «Астру», это на Невском.

— Опаздываешь?

Вера глянула на часы. Да, опаздывала. Минут на десять.

— Похоже, да.

— Держи, — Глеб сунул ей в руку визитку. — Напиши, как освободишься. Если захочешь.

Он улыбнулся коротко, уголками губ, и шагнул в сторону эскалатора. Вера смотрела ему вслед. Пальто действительно хорошее. И спины раньше не было видно — он всегда сидел впереди, она сзади, она смотрела в затылок Марку, а Глеб был где-то на периферии.

Странно.

Она сунула визитку в карман и побежала к поезду.

Собеседование прошло ужасно.

Вера отвечала невпопад, перепутала название прошлой компании и вдруг в середине разговора поняла, что не помнит, как зовут HR-щицу. Та представилась в самом начале, но мозг Веры в тот момент был занят Глебом и его пальто.

Восемь лет и три месяца.

Кто считает месяцы?

Она вышла на улицу, закурила — хотя бросила полгода назад — и достала визитку.

«Глеб Воронцов. Руководитель отдела аналитики».

«Аналитики, — подумала Вера. — А в школе ненавидел математику. Списывал у меня».

Она набрала сообщение:

«Привет. Собеседование провалила. Так что свободна хоть сейчас. Ты где?»

Ответ пришёл через минуту. Глеб предложил встретиться в кофейне на Литейном. «Можешь не торопиться, я там работаю, всегда есть столик». Она написала «хорошо», потом

подумала и добавила смайлик. Потом стёрла смайлик. Потом поняла, что уже полчаса стоит с сигаретой на ветру и глупо улыбается.

Часть третья. Откровение

Они гуляли три часа.

Прошли от Литейного до Марсова поля, потом свернули к набережной. Говорили обо всём: о дурацких фильмах, о работе, о том, как Москва лучше Питера и почему это неправда. Ни разу — ни разу! — не вспомнили школу. Будто договорились, хотя не договаривались.

Вера ловила себя на мысли, что ей легко. Не надо притворяться, не надо казаться умнее или веселее. Глеб смотрел на неё, и она чувствовала: он видит именно её, настоящую, ту, которая устала, которая боится собеседований, у которой кот порвал шторы, и которая втайне ненавидит раф с солёной карамелью.

— Глеб, — сказала она, когда они остановились у моста.

— М?

— Спасибо за сегодня.

Он кивнул. Помолчал. Потом спросил:

— Мы ещё увидимся?

У Веры внутри что-то ёкнуло. Не сердце — нет, сердце молчало. Что-то другое. Жалость, наверное. Или нежность. Или просто страх снова остаться одной.

— Увидимся, — сказала она.

Дальше всё завертелось.

Они встречались два-три раза в неделю. Сначала кофе, потом кино, потом ужины. Глеб всегда знал, куда позвать, и всегда приходил чуть раньше — занимал лучшие места. Он помнил, что она не ест грибы, что любит солёное, а не сладкое, что мёрзнет даже в мае. Он носил с собой вторую шапку — на случай, если она забудет свою.

Вера думала: «Это же идеально. Так и должно быть».

Она почти убедила себя.

Почти.

В один из вечеров они сидели на кухне у Глеба. Он готовил пасту — умел, оказывается, вкусно готовить. Вера пила вино и наблюдала, как он двигается по кухне: уверенно, спокойно, без суеты.

— Ты изменился, — сказала она.

— В каком смысле?

— В школе ты был... не таким.

Глеб повернулся к ней. На лице — ни тени обиды.

— Каким я был в школе?

Вера задумалась. Сказать правду? «Ты был незаметным. Я тебя почти не замечала». Слишком жестоко.

— Тихим, — осторожно сказала она. — Очень тихим.

— А теперь?

— Теперь... я не знаю. Другим.

Он поставил кастрюлю на стол и сел напротив.

— Знаешь, Вера, — сказал он, и голос его чуть дрогнул, — я любил тебя ещё в школе. Всё это время. С восьмого класса.

Она замерла.

Внутри что-то оборвалось. Не от радости, нет. От страха. Потому что в этот момент — в ту самую секунду, когда Глеб сказал эти слова — Вера вдруг отчётливо поняла одну вещь, которую прятала от себя три месяца.

Она не чувствует того же.

Она хочет чувствовать. Она старается. Но тёплое, спокойное, надёжное чувство к Глебу — это не любовь. Это благодарность. Это облегчение. Это «сойдёт», «хороший вариант», «так правильно».

А любовь — глупая, болезненная, нелогичная — была у неё в школе. К другому. К Марку.

Вера подняла глаза на Глеба. Он улыбался — открыто, доверчиво, с надеждой, которую она не заслуживала.

— Глеб, — тихо сказала она, — я должна тебе кое-что сказать.

Она решила сказать правду.

Не сразу. В тот вечер не решилась. Сказала: «Давай не будем торопиться», — и он кивнул, не поняв, не догадавшись.

Но через неделю, когда они снова встретились, когда он снова смотрел на неё этими светлыми глазами, Вера поняла: молчать дальше — подлю.

Она позвала его на набережную. Туда же, где они гуляли в первую встречу. Пусть место будет тем же, чтобы не спутать.

Ветер трепал волосы. Было холодно, хотя май почти кончился.

— Глеб, — начала она. — Помнишь, что ты сказал на кухне? Про школу?

— Помню.

— Я тебе тогда не ответила.

— Я понял.

— Не понял, — Вера выдохнула. — Глеб, я должна тебе сказать. Тогда, в школе... я любила не тебя.

Он не моргнул. Только пальцы на перилах побелели.

— Кого?

— Марка. Твоего друга. Я любила Марка.

Глеб молчал. Смотрел на воду. Вера не знала, о чём он думает. Может быть, вспоминает Марка — того самого, с чёлкой и вечной улыбкой. Может быть, вспоминает, как они вместе стояли где-то, а она смотрела сквозь Глеба на его друга.

— Всё это время? — спросил Глеб. Голос не дрогнул, и это было хуже всего.

— Всё это время, — тихо сказала Вера. — Я думала, прошло. Думала, что это было только школой, глупостью. А потом мы встретились... и я обрадовалась. Правда. Думала, вот оно, наконец-то, настоящее. Но сегодня... я поняла. Когда ты сказал «я люблю тебя»... я на секунду представила, что это Марк.

Глеб поставил локти на перила. Посмотрел на воду.

— А сейчас? — спросил он. — Я сейчас — это кто? Замена? Утешительный приз?

Вера молчала.

Её молчание было громче любых слов.

— Ясно, — сказал Глеб. — Спасибо, что сказала.

Он повернулся и пошёл вдоль набережной. Не быстро, не медленно. Обычным своим спокойным шагом. Не обернулся.

Вера осталась стоять у перил. Ветер бил в лицо. Глаза щипало — то ли от ветра, то ли от чего-то ещё.

Она хотела его окликнуть. Хотела сказать: «Постой, я не так...» Но не сказала. Потому что всё так. Всё именно так.

Она хотела полюбить Глеба. Клянётся. Но разве можно заставить сердце биться быстрее, если оно уже выбрало другой ритм много лет назад?

Вера достала телефон. Открыла Instagram*. Набрала в поиске «Марк К...».

Он живёт в Праге. Женат. Двое детей. Толстый кот.

Она смотрела на его счастливое лицо и чувствовала... ничего. Совсем ничего. Только холод в пальцах и пустоту где-то в груди.

«Зачем я ему сказала про Марка? — подумала Вера. — Марка нет. Марка никогда не было. Был только образ, который я носила в себе восемь лет».

Она убрала телефон. Посмотрела вслед Глебу — он уже скрылся за поворотом.

— Прости, — прошептала Вера ветру. — Ты заслуживаешь большего.

Ветер не ответил.

*Instagram (здесь и далее) запрещен на территории РФ.

Глава 2. Глеб

Часть первая. Школа

Глеб не удивился.

Вот что страшнее всего — он не удивился ни единому её слову. Стоял на набережной, смотрел на воду и думал только об одном: «Конечно, Марк. Кто же ещё».

Ветер дул в лицо, Вера что-то говорила про «я думала, прошло», про «ты заслуживаешь правду», но Глеб уже не слушал. Он вдруг оказался снова в школе — в душном классе, где пахло мелом и дешёвыми духами, и где он впервые понял, что влюбился не в ту девочку.

В восьмом классе он влюбился.

Это случилось в столовой. Глеб стоял в очереди за пирожком с повидлом — их давали только по вторникам, и он ждал этого весь день. Впереди болтали девчонки из параллельного класса. Он не слушал. А потом одна из них обернулась. Серые глаза, тёмные волосы собраны в хвост, на щеке — родинка, похожая на маленькую звезду.

— Глеб, у тебя шнурок развязался, — сказала она.

Он посмотрел вниз. Кроссовки были зашнурованы идеально. Он всегда зашнуровывал их туго, дважды, чтобы не отвлекаться.

— Нет, — ответил он глупо.

Девушка улыбнулась. Не насмешливо — скорее устало, как будто он не понял шутки, и это было даже мило.

— Я знаю, — сказала она и отвернулась.

Вера. Её звали Вера. Глеб знал это и раньше — они учились в параллельных классах, виделись в коридоре, иногда на переменах. Но до этого момента она была просто лицом. Одним из многих. Теперь она стала всем.

Глеб не умел разговаривать с девочками. Вообще. У него была единственная тема — компьютерные игры и физика. И то и другое в разговоре с Верой казалось полной ерундой.

Он начал с малого. Садился за парту так, чтобы видеть её в классе. Ждал у выхода, когда она идёт домой, и шёл следом на расстоянии — не чтобы подглядывать, а чтобы убедиться, что она добралась безопасно. В десятом классе они попали в одну группу на истории, и Глеб наконец смог сидеть рядом.

Вера была вежлива. Она давала ему списывать, кивала на переменах, один раз даже одолжила ручку. Но Глеб видел: она его не замечает. Не потому, что плохая. Просто её взгляд всегда был направлен чуть дальше — туда, где сидел Марк.

Марк. Лучший друг Глеба. Если слово «друг» вообще применимо к человеку, который забывает своё имя, когда рядом появляется кто-то более интересный.

Марк был красив. Это факт. Высокий, светлые волосы, вечная полуулыбка. Он смеялся громче всех, говорил то, что девочки хотели слышать, и никогда не забывал имён. Вера для Марка была «та, которая рисует». Ни больше ни меньше.

Но Вера этого не замечала. Она видела только улыбку, слышала только шутки. И каждый раз, когда Марк проходил мимо, её щёки розовели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.